

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31 + 929 Романов
DOI 10.25205/2410-7883-2022-1-31-42

М. Горький в писательской судьбе Пантелеймона Романова

Людмила Юрьевна Суrowова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия
l.sur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6163-1530>

Аннотация

Статья посвящена непростым взаимоотношениям М. Горького и П. Романова. Сатирические рассказы Романова Горький высоко ценил, о чем сообщал в своей переписке. Совсем по-иному был воспринят им роман «Русь», который Романов считал своим лучшим творением и делом всей жизни. Горький буквально высмеял это произведение, он оставил в экземпляре «Руси», присланном ему в дар Романовым, многочисленные пометы. Горькому также не понравилось, что о романе положительно отзывался критик Н. Фатов, постоянно оказывавший Романову поддержку. Сохранились письма Фатова Романову, в которых обсуждалась фигура Горького. В статье впервые вводятся в научный оборот выдержки из этих писем. Также дана характеристика правки Горького на страницах романа «Русь». Прослеживается реакция Романова на замечания Горького о «Руси».

Ключевые слова

русская литература XX в., история, эпистолярное наследие, М. Горький, творчество П. Романова

Для цитирования

Суrowова Л. Ю. М. Горький в писательской судьбе Пантелеймона Романова // Сюжетология и сюжетография. 2022. № 1. С. 31–42. DOI 10.25205/2410-7883-2022-1-31-42

M. Gorky in the Writer's Fate of Panteleimon Romanov

Lyudmila Yu. Surovova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
l.sur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6163-1530>

Abstract

The article focuses on the difficult relationship between Maxim Gorky and Panteleimon Romanov. Gorky reported in his correspondence that he highly appreciated Romanov's satirical

© Суrowова Л. Ю., 2022

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2022. № 1. С. 31–42
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2022, no. 1, pp. 31–42

stories. But the novel “Rus”, which Romanov considered as his best creation and the work of his whole life, was treated by Gorky in a completely different way. He simply mocked this work and left numerous marks on the margins of its edition, which Romanov had sent to him as a gift. Gorky also disliked a positive review that critic Nikolay Fatov, who always supported Romanov, had left about the novel. Some letters from Fatov to Romanov where the figure of Gorky was discussed have been preserved. The article introduces into scientific use excerpts from these letters. A characteristic of Gorky’s page-by-page edits of the novel is also given, and Romanov’s reaction to Gorky’s remarks about “Rus” is traced.

Keywords

Russian literature of the 20th century, history, epistolary heritage, M. Gorky, works of P. Romanov

For citation

Surovova L. Yu. M. Gorky in the Writer’s Fate of Panteleimon Romanov. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2022, no. 1, pp. 31–42. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2022-1-31-42

«Горький сыграл чрезвычайно отрицательную, если не роковую, роль в судьбе П. Романова» [Петроченков, 1988, с. 18], – к такому заключению приходит Валерий Петроченков, попытавшийся вкратце обрисовать историю взаимоотношений двух писателей.

Попробуем разобраться, насколько справедливо приведенное суждение исследователя, проследив детально, как развивались эти взаимоотношения.

Стоит начать с того, что вступление в литературу для П. С. Романова произошло с благословения Горького, написавшего в июне 1911 г. отзыв на его рассказ «Отец Федор». А. М. Горький похвалил «значительность содержания», но тут же добавил: «он показался мне испорченным неуместной, а порой некрасивой игривостью языка, тяжелыми оборотами фразы и несколько семинарским пристрастием к физиологии» [Горький и советские писатели..., 1963, с. 248].

Рассказ посылался на одобрение маститому писателю незадолго до публикации в журнале «Русская мысль» (1911, № 7). Вероятно, помимо этого журнала, Романов отдал свой рассказ в редакцию журнала «Современник», в работе литературного отдела которого Горький принимал участие по просьбе А. В. Амфиатрова. Таким образом «Отец Федор» вторично попал в руки Горькому в связи с его редакторскими обязанностями. Как о досадном недоразумении он сообщает в письме В. С. Миролюбову: «Лев Шестов прислал мне рукопись Романова “Отец Федор”, а она – уже напечатана в последней книге “Русской мысли”» [Горький..., 2002, с. 179].

Покровительство Горького молодому писателю не прекращается. В письме А. Г. Горнфельду от 4 марта 1917 г. как бы вскользь Романов обмолвился: «Кроме того попрошу вас оставить на мою долю уголок в библиографическом отделе “Луча”, в котором я буду работать и в других отделах по предложению Алексея Максимовича»¹. В апреле и августе 1917 г. Горький сообщал Романову о судьбе присланных им в издательство «Парус» рассказов, которые были приняты, но затруднялся назвать точные сроки выхода (см.: [Летопись..., 1959]).

Яркие, сжатые, сатирические миниатюры Романова, сразу замеченные критикой, вызвали у Горького интерес, он покровительствует их появлению в печати,

¹ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 455. Л. 2.

даже в письмах к партийным руководителям указывает на достоинство прозы своего протеже. В письме Бухарину от 23 июня 1925 г. о Романове замечено вскользь: «Мне гораздо более по душе и по разуму соленькие рассказы о деревне старого знакомого моего Пантелеймона Романова» (Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 182). Горький как бы желает продемонстрировать свои приятельские отношения с Романовым, называя его «старым знакомым». В письме от 13 июля 1925 г. с одобрением резолюции ЦК «О политике партии в области художественной литературы» Горький даже в некоторой степени ходатайствует за П. Романова перед Н. И. Бухариным: «Очень хорошо, что “Прожектор” будет издавать книжки и в том числе издаст рассказы Романова о деревне. Это – весьма хорошие рассказы, особенно если противопоставить их возрождающемуся сентиментализму народничества, столь ярко выраженному в “Сахарном немце” поэта Клычкова и в гексаметрах Родимова “Деревня”» [Между молотом..., 2011, с. 33].

Заступничество Горького, казалось бы, не прекращается в сложный для Романова период, когда против него развернули травлю после появления в 1926 г. серии скандальных рассказов о новой советской морали. Напечатан ряд сборников: «О женщине», «Вопросы пола», «Рассказы о любви», писатель становится удобной мишенью для критиков разного толка, на него сочиняют пародии, помещают оскорбительные карикатуры. Несправедливость посыпавшихся на Романова обвинений была слишком очевидна и вызвала протест со стороны А. Луначарского. Дважды прочтя «Письма женщин», с позиций русского социал-демократа, он объявляет об отсутствии в этом рассказе Романова и тени порнографии: «Подход П. Романова не только целомудрен, но и публицистичен <...> Он хотел указать на то, что очень и очень многие из наших граждан живут еще тусклой обывательской жизнью <...> Цель благородная. Задача поучительная» [Луначарский, 1926].

Горький полностью разделял мнение Луначарского, представившего Романова невинной жертвой. Его статья 1929 г. «О трате энергии» подтверждает, что он не одобрял нападки критиков на Романова: «У нас образовалась дурацкая привычка втаскивать людей на колокольню славы и через некоторое время сбрасывать их оттуда в прах, в грязь. Не стану приводить примеров столь нелепого и жестокого обращения с человеком, примеры всем известны. Но если необходимы примеры, укажу на отношение к Сейфулиной, Романову, Бабелю, Герасимову и многим другим» [Публицистика..., 2007, с. 477].

Но для Горького существовало словно два Романова: в одном виделся ему талантливый рассказчик и острый сатирик, другой заслуживал строгой критики за небрежности языка. Этот второй, нелюбимый, открылся Горькому после знакомства с романом «Русь», первая и вторая части которого, затем объединенные в одну, вышли в издательстве Сабашниковых в 1923 г. Романов незадолго до появления книги выступал с чтением отрывков из романа в Союзе писателей, получил одобрение Луначарского. Первый серьезный отклик на «Русь» сулил ее автору всеобщее признание. Л. Войтоловский сравнил вышедшие части романа с бунинским «Суходолом», гончаровским «Обрывом», толстовским «После бала». Отсутствие новизны критик попытался преподнести как достоинство, как верное следование образцам: «Но в этой архаичности нет ничего раздражающего. Повесть П. Романова не работа безграмотного подражателя, не любительская копия, а художественно сделанное полотно, где голоса и краски прошедшего крепко

спаяны и неразрывно слиты с людьми живой современности» [Войтоловский, 1924]. Подобная похвала «Руси» в печати, скорее всего, была замечена Горьким, в письме Л. Леонову от 2 ноября 1924 г. (через месяц после статьи Войтоловского) он запрашивает адрес Романова и добавляет: «А буде он в Москве и Вы с ним встречаетесь – попросите его прислать мне “Русь”» [Горький и советские писатели..., 1963, с. 246]. Леонов тут же связался по телефону с Романовым, который обрадовался вниманию к себе со стороны своего давнишнего покровителя и пообещал отправить ему книгу. Не подозревая, как отреагирует Горький на долгожданный подарок, автор сделал следующую дарственную надпись:

Глубокоуважаемому
Алексею Максимовичу
Пешкову
От искренно преданного автора
Москва 1-го января 25 г.²

Не только в письмах Леонову, но и К. Федину Горький еще до получения «Руси» выражал нетерпение познакомиться с этой литературной новинкой. «Что за книга Пантелеймона Романова “Русь”?» – спрашивает он Федина в письме от 20 декабря 1925 г. [Горький и советские писатели..., 1963, с. 483]. Следующее письмо Федину, от 18 января, содержит мнение о романе: «Прочел и “Русь” Романова. Ужасное творится с русским языком! Этот Романов до войны писал довольно грамотно, а “Русь” его – безобразна по начертанию: “уже”, “какой-нибудь”, “пенечные веревки” – черт знает что! Отругаю» [Там же, с. 488].

Неоднократно в частной переписке Горький упоминает о «Руси» с прибавлением самых недоброжелательных оценок. В письме Воронскому от 12 февраля 1925 г. Романов и его произведение соседствует с Ф. Раскольниковым, захватившим в свои руки журнал «Красная новь»: «А Раскольников недалеко уйдет с Окуловым, который бездарен, и Пантелеймоном Романовым, “Русь” которого написана безграмотно» [Горький..., 1965, с. 16]. Речь идет об альманахе «Прибой», в редколлекцию которого входил Раскольников. В начале 1925 г. на страницах альманаха появились три рассказа Романова, в качестве послесловия к ним была дана обстоятельная статья Н. Н. Фатова. Профессор МГУ, литературовед, он представил Романова как яркую звезду, вспыхнувшую неожиданно на литературном небосклоне. Особое место уделено роману «Русь», вершинному достижению писателя: «Так примеры ведения повествования в “Руси”, манера изображения на широком эпическом полотне заставляют вспомнить об авторе “Войны и мира”, но Романов пишет более мягко, не так скульптурно, как Л. Толстой, не высекает своих фигур из мрамора, словно вырезывает их из более податливого дерева, у него нет и толстовского философствования; он почти нигде не выявляет себя, не морализирует, всегда предоставляет делать выводы самому читателю» (Прибой. Альманах 1, 1925, с. 271).

Похвалы Фатова создали Романову скандальную славу. Его изобразили на картине рядом с Л. Толстым как мошенника рядом с подлинным мастером. Восторженные эпитеты, щедро рассыпанные в статье, сразу были подхвачены критикой, повторявшей и перепевавшей их в комическом ключе.

² Личная библиотека Горького (ЛБГ). Инв. 915. Романов П. Русь: Роман. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1923. Кн. 1.

Но обратим внимание на реакцию Горького. До знакомства с «восторгами» Фатова он признает за «Русью» некоторые достоинства и в письме А. Демидову от 15 мая 1925 г. снисходительно говорит о романе: «“Русь” Романова написана тоже изумительно небрежно, особенно – в описаниях, хотя он показывает хорошее мастерство, изображая характеры. Герои у него говорят лучше автора, создателя их» [Горький и советские писатели..., 1963, с. 152].

Мнение незадачливого профессора, считавшегося бездарным литературоведом, не могло иметь вес в глазах Горького, тем не менее, стоило проучить его. Поэтому в письме от 1 июля 1925 г. с высоты своего авторитета Алексей Максимович наставляет Фатова: «Ваше пророчество о Романове, авторе хороших рассказов и плохо написанного романа “Русь”, авторе, которого Вы слишком торопитесь испортить неумеренными похвалами, – Ваше пророчество свидетельствует лишь о смутном представлении Вами творчества таких колоссов, как Гоголь и Толстой, с которыми Вы сравниваете Романова» (Радяньске літературознавство, 1959, с. 136).

Словно по команде, с наступлением осени 1925 г. критики пошли в наступление против Фатова, якобы переступившего порог дозволенного. Особенно едкими были первые атаки. Например, Г. Якубовский предваряет свою заметку шутиливой цитатой и продолжает: «Комсомольская восторженность Н. Фатова, неумеренное восхваление писателя отнюдь не оправдывается теми отрывками, которые приводятся критиком» (Новый мир, 1925, № 10). Другой ревнитель справедливости, решивший остаться неузнанным, озаглавил свою заметку «Литературная хроника. Писатель за всех». Острые насмешек направлено им на так возмутившее Горького сравнение Романова с русскими классиками: «Словом, в лице П. Романова мы обрели, наконец, писателя “за все” (раньше только прислуги такие бывали) и за всех. Один человек заменит всю литературу: бывшую, нынешнюю и будущую!»

Правда, Н. Фатов не обмолвился еще об одном писателе, которого тоже хорошо было бы «вполне заменить»: о баснописце Крылове. Но думается, что Романов, прочитав статью Фатова, сам поставит себя “в один ряд” с Крыловым – и скажет Фатову:

“Хотя услуга нам подчас и дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться”» (Крокодил, 1925, № 43).

Какому бы произведению Романова не посвящали рецензию, вспоминали «прогремевшую» статью Фатова, пользуясь ею, чтобы нанести удар по расхваленному писателю. «Но мы никак не можем согласиться с тем абсолютно-хвалебным гимном, какой пропет Романову, – пишет А. Зорич в рецензии на «Рассказы о любви», – <...> Соединить в Романове Толстого, Гончарова, Гоголя, и Чехова, лишенных, вдобавок, свойственных каждому из них писательских недостатков, к тому же, выдав ему аттестацию... ленинца, – это чересчур! Это – гипербола в кубе!» [Зорич, 1925].

Глумление над Романовым, проснувшимся знаменитым по милости Фатова, продолжается вплоть до 1926 г. Завершила эту кампанию заметка, принадлежавшая, очевидно, перу молодого и горячего автора, подписавшегося «Ипполит». По содержанию она напоминает воззвание: «Есть в СССР такой писатель Пантелеймон Романов, читатели о нем слышали, но едва ли им приходило в голову, что в лице Пантелеймона Романова мы имеем писателя первой величины (курсив автора. – Л. С.), который займет свое место в том ряду, в котором стоят Гоголь,

Гончаров, Толстой, Чехов. <...> Чего тебе еще надо, читатель? А ведь это пишет не какая-нибудь литературная шавка, а ученый профессор <...> Против этой лживой, пресмыкающейся критики что-то не слышно возражений с писательской стороны. А мы считаем ее столь же, если не более, возмутительной и недостойной, ругающейся последними словами. Долой ее! Будем бороться за честную критику, говорящую в глаза по-товарищески, что хорошо, что плохо, идущую рука об руку с читателем и писателем, помогающую нам подняться на высшую ступень» (Молодой ленинец, 1926, 4 дек.). Незвестный автор почти напрямую требовал от самого Романова отреагировать на статью Фатова, но ничего не добился. На этот и предшествующие выпады в свой адрес почел долгом ответить сам Фатов. В 1927 г. он в свойственной ему манере деловито и по пунктам возражает многочисленным оппонентам. Причину возникшего вокруг его статьи «шума» профессор истолковал следующим образом: «...наша, обычно дилетантская, критика чересчур привыкла писать по трафарету, и редко отваживается “сместь свое суждение иметь”. Одного хвалят, другого ругают, как принято, как заведено. И, конечно, легче ругать, чем хвалить. Расхвалишь, а там, пожалуй, и сядешь в лужу, как тов. Воронский с Всев. Ивановым, или Правдухин с Сейфулиной, а разругаешь – всякий подумает: “Вот здорово разнес, видать – голова с мозгом!...” Смеяться же... “смеяться легко и не с Вольтеровым умом”, – сказал еще блаженной памяти Карамзин» [Фатов, 1927, с. 283].

От внимания Горького не ускользнуло то, как восприняли в критике осужденную им самим статью Фатова. В ноябре 1926 г. он продемонстрировал полное удовлетворение происходящим, написав И. А. Груздеву: «Романова Вы раздраковали правильно, следовало бы еще указать ему на небрежность письма его и бесчисленные повторения, так напр. характеристика Фомы Короткова дана дважды почти одними и теми же словами, на 10-й и на 60-й стр<аница>х» [Горький..., 1966, с. 90]. Заметим, что здесь Горький опять приводит примеры из «Руси».

Оправдательная речь Фатова, разумеется, не произвела никаких перемен в суждении Горького о Романове, только всколыхнула прежнее недовольство; 23 марта 1927 г. он еще раз повторяет старые мысли в письме Груздеву: «Пантелеймон Романов – недоразумение, созданное весьма малограмотным профессором Н. Фатовым, человеком, который любит фабриковать из сырья сомнительного качества Толстых, Тургеневых, Гончаровых и т. д. См. его книжки о Серафимовиче, о Неве-рове. Это кошмарный человек, Фатов» [Там же, с. 111].

Сообщая Груздеву, на какой странице Романов допустил оплошность и повторился, Горький имел в виду роман «Русь». На полях присланного ему экземпляра он оставил пометы: на 10-й странице сделал отсылку к 60-й и наоборот. Приходится только удивляться памятьвости Горького, прочитавшего роман в 1925 г. и на протяжении некоторого времени способного судить о книге, будто недавно познакомился с ней.

Даже корреспонденту газеты «Вечерняя Москва», бравшего интервью у Горького на Villa Sorito, он опять называет эти злосчастные страницы романа «Русь» с его собственными пометами. Горький дает обозреть свою библиотеку, состоящую из дарений, и поясняет: «Смотрите, как небрежно пишут современные наши писатели. Я делаю выписки. Вот Вам: “щеколда”, вместо “щиколотка”, “сметенная” вместо “смётанная” рубаха; или “подливки, поджаренные на сковородке”. Как это жарить подливки? А вот – у Пантелеймона Романова на 10-й стр.: “он

никогда не имел своего мнения” и т. д., а вот на 60-й: “он никогда не имел своего мнения” и дальше то же самое. Забыл, что однажды написал это. А ведь писатель талантливый» [Коган, 1927].

На языковые особенности двух первых частей «Руси» обращали внимание критики совершенно разных политических лагерей. Свои, по примеру Горького, замечали сплошные недостатки. А. Лежнев старательно правит Романова: «Отметим в заключение нередкие неправильности языка: “То, о чем уже все как-то забыли, т. е. об (?) убийстве эрцгерцога австрийского” (т. е. убийство эрцгерцога австрийского?), “видимых признаков этого никогда не было, за исключением Нины Черкасской, где (?) признаки были таковы” и т. д.» [Лежнев, 1926]. Иначе смотрит на стиль и манеру Романова эмигрант Петр Пильский, для которого хорошая литературная школа Романова сразу выступает на поверхность по сравнению со стилистыми вывертами других писателей: «Как поучительно: без всякого сиганья с пятого этажа, без прыжков с крыши, без самораздирательства, без трехногих новшественных выкидышей, верный литературному преданию, чуждый стилистического истеризма, Романов создает широкие полотна» [Пильский, 1926].

Теперь взглянем более пристально на пометы, сделанные Горьким на страницах принадлежавшего ему экземпляра «Руси», эти пометы не означают какой-то личной неприязни к ее автору. Перед нами многочисленные подчеркивания красным карандашом слов и выражений (иногда слова зачеркнуты или переставлены местами), знаки вопроса на полях, волнистые линии напротив абзацев. Помимо, пестрящих «уже», «еще», помимо невероятного количества неопределенно-личных местоимений, которыми Романов заменяет сравнения, Горький заметил смысловые неточности, ошибки, неправильные речевые обороты, обозначив их в тексте романа как опытный редактор.

Ему показались нелепыми словосочетания такого рода (курсивом выделены слова, подчеркнутые Горьким): «каменные ступеньки паперти с чугунной плитой»³, «в верхних окнах монастырского купола»⁴, «пенечными веревочками»⁵, «с баронессой Ниной Черкасской <...> женой профессора»⁶, «взгляд <...> который она бросала из-за хрустала ваз и бутылок»⁷, «намоченными в золе»⁸, «начали с закусок, потом перешли на уху из налимов с печенками»⁹, «На лугах засела низкая, но густая трава»¹⁰.

Некоторые характеристики героев, их поведение, строй речи, мысли лишь в первом приближении не выдерживают критики; Горький расставил знаки вопроса, волнистые и прямые линии на полях в этих спорных местах. Но порой с ним нельзя согласиться, потому что автор «Руси» пытался передать абсурдные

³ ЛБГ. Инв. 915. Романов П. Русь: Роман. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1923. Кн. 1, с. 7.

⁴ Там же, с. 8.

⁵ Там же, с. 9.

⁶ Там же, с. 16.

⁷ Там же, с. 36.

⁸ Там же, с. 71.

⁹ Там же, с. 116.

¹⁰ ЛБГ. Инв. 915. Романов П. Русь: Роман. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1924. Кн. 2, с. 5.

или комичные ситуации, в которые попадают его герои по своей или по чужой воле. Обратимся к примерам.

О баронессе Нине Черкасской, очень беспечной в отношении своей верности мужу: «как честь ее мужа, почтенного профессора давала трещины то с той, то с другой стороны»¹¹.

О Настасье, прислуге и кухарке в доме Воейкова, у которой не получается приготовить хлеб: «Причем никогда не винит себя, а тот материал, из которого делает.

– Разве это мука, – скажет она, – это, должно быть, овсяная какая-нибудь, а не пшеничная, вот и ползет»¹².

О неряшливости Настасьи, сочетающейся как нельзя лучше с неряшливостью и беспечностью самого хозяина, Дмитрия Ильича: «Откуда только такие берутся, – скажет иногда Дмитрий Ильич, – ведь пять лет живет около меня, видит совершенно другое начало, другую жизнь, от которой, слава Богу, могла бы научиться. И все-таки ни в чем никакой перемены. Изумительное существо»¹³.

О лакеях, подающих блюда на званом обеде: «...держат их на ладонях в уровень с плечами, и подносили к гостям, просовывая блюдо с левой стороны»¹⁴.

О предводителе дворянского собрания и его супруге: «...строго приказала горничным убирать каждый день, не обращая внимания ни на какие его возражения»¹⁵.

Разумеется, Горький наметанным глазом безошибочно распознавал погрешности романа. До сведения автора какими-то путями дошли некоторые из его замечаний. Внося изменения при последующем переиздании «Руси» в 1925 г., Романов сокращает «уже», «еще», однотипные повторяющиеся местоимения, старательно подчеркнутые Горьким.

В архиве Романова сохранилась газетная вырезка с отчетом о жизни Горького на Капри. Выше цитировалась выдержка из этой заметки с оценкой творчества Романова и даже с указанием страниц, где автор «Руси» допустил повторение. Писателю, желавшему улучшить свой роман, конкретные замечания приносили значительную пользу, он учел их при дальнейших переизданиях. Интуитивно Романов почувствовал, что требуют сокращения некоторые абзацы, в которых однотипные сравнения составляют целые цепочки, где-то были совершенно не нужны утомительные описания. Таким образом, он учел, случайно или по дошедшим слухам, несколько помет Горького.

По воспоминаниям Анастасии Цветаевой, Романов не испытывал недовольство или обиду, когда ему помогали справиться с неточностями и неровностью стиля в его произведениях. Он с некой самоотверженностью принимал любую помощь, если она была искренней. Цветаева повествует о своем добровольном сотрудничестве с писателем, о роли секретаря при нем: «Наконец, подошло время подойти нам к «Руси», главному труду Романова, над которым он столько лет работал. Странно сказать – но именно в этой его любимой книге, в которую он

¹¹ ЛБГ, Романов, кн. 1, с. 56.

¹² Там же, с. 23.

¹³ Там же, с. 75.

¹⁴ Там же, с. 53.

¹⁵ Там же, кн. 2, с. 25.

вложил всего себя, где были превосходные части, нашлось очень много совсем ненужного – он теперь понимал это сам и с особой благодарностью смело выбрасывал страницу за страницей. Зима кончилась, мы проводили за “Русью” все выходные дни до ночи, и к началу весны, выправив все, строго и беспощадно, радуясь этой новой “Руси”, мы подсчитали, что из всех книг, ее составляющих, мы выбросили 200 страниц» [Цветаева, 1992, с. 76].

Но самым въедливым и внимательным читателем Романова на протяжении чуть более десятилетия оставался Николай Фатов, чьи письма аккуратно хранились в архиве писателя. Романов дорожил содержащимися в них полезными советами по поводу своих произведений, которые высылал Фатову еще в рукописи. Несколько раз в переписке между ними возникает фигура Горького. Ответы самого Романова нам пока остаются недоступны, и остается только догадываться о его реакции на послания Фатова. В первый раз имя Горького возникает в письме от 7 августа 1931 г.: «К слову о Горьком – читаю сейчас “Клима Самгина” с величайшим наслаждением. Первое чтение было поспешным, и я страшно недооценивал это произведение. Сейчас вижу, с каким мастерством написано это изумительное грандиозное полотно – несомненно, одно из замечательных произведений русской литературы»¹⁶. Отметим отсутствие злопамятства у Фатова по отношению к Горькому, награждавшего его самыми обидными эпитетами. Далее в письме следует рассуждение об изображенных Горьким и Романовым интеллигентах: «Актуальна самооплевательская ирония над “интеллигентами” типа Клима Самгина – над теми, из кого в наши дни вышли вредители. Самгин – конечно, иного типа, чем Кисляков, но, во всяком случае, достойный ему братец. А какое мастерство языка (хотя есть некоторые и срывы и ляпсусы), какое мастерство деталей, описаний <...> Читаешь и жалко дочитать до конца. И страшно – что да как помрет, не успев кончить. А ему надо не только кончить, но написать и еще такой же роман по размерам и качеству – на современную политическую тему»¹⁷.

Речь о Горьком, как можно предположить, велась не случайно. В феврале 1930 г. журнал «Литературная учеба» опубликовал вторую статью Горького из цикла «Письма из редакции», имя Романова сопровождалось в ней нелестной характеристикой: «писатель, у которого хорошему не научитесь». Ставя рядом двух писателей, не равнозначных по своей величине, Фатов бросает мимоходом фразу об ошибках, допущенных большим художником, желая этим утешить Романова. Сопоставлением главных героев из романов обоих писателей, критик также ищет пути к их сближению.

Если причина первого упоминания Горького не до конца ясна, то следующее возникновение в переписке столь значимой и значительной фигуры соединено с конкретным событием. На страницах «Литературной газеты» в феврале 1934 г. появилось «Открытое письмо Серафимовичу», в котором опять затронут тандем Фатова и Романова. Спустя несколько лет после утихшей полемики вокруг этих имен Горький пользуется ими как удачной остротой из литературного быта, когда приходится говорить о преувеличениях критиков: «Напомним, что торопливость в этом деле уже создала пару смешных анекдотов: так, например, лет шесть тому назад некий профессор Фатов утверждал, что писатель Пантелеймон Романов ра-

¹⁶ ИМЛИ. Ф. 24. Оп. 2. Ед. хр. 186. Л. 25.

¹⁷ Там же.

вен Бальзаку, Тургеневу, Толстому и еще кому-то. Профессору верили, но вскоре оказалось, что он бездарен и литературно малограмотен» (Литературная газета, 1934, № 17). Реакция на подобные оскорбительные строки без труда угадывается в письме Фатова от 31 марта 1934 г.: «На “всякие” рецензии я давно перестал реагировать, давно зная им цену. Но в том-то и дело, что тут не “всякая” рецензия, а слова М. Горького, к голосу которого массы читающие прислушиваются с особым доверием; которого сам Ленин в делах искусства признавал “великим авторитетом”. Поэтому, когда такой “великий авторитет”, будучи в основном правым в его борьбе против безграмотности и засорения языка, в частности ошибается и поступает бестактно, позволяя себе писателя – пусть ему не нравящегося, пусть имеющего недостатки, но писателя с мировым именем, называть литературно безграмотным и бездарным, то на это нельзя не реагировать. Допустим, что рецензия есть, как Вы говорите, “оценка положения, занимаемого человеком”, но ведь оценка-то ведь может быть неправильной! И по этой неправильной оценке, высказанной большим авторитетом, тупоголовая масса <...> утверждает в неправильном мнении о писателе»¹⁸.

Помимо реакции критика, задетого насмешкой Горького, можно уловить настроение самого Романова, который, как видно, испытал сильнейшее потрясение от того, что за ним закрепилась в обществе кличка безграмотного прозаика и закрепилась не без влияния «великого авторитета». Фатов даже советовал другу вступить в единоборство с Горьким, восстановить свое доброе имя через посредничество Сталина, обратившись к нему с письмом. Письмо Сталину Романовым было написано, но с Горьким оно не носило никакой связи, писалось из опасения, как бы его не причислили к группе неблагонадежных.

В заключение, для полноты картины, следует привести взгляд Романова на открывшийся в том же 1934 г. Первый Съезд советских писателей, на котором для обиженного автора «Руси» все пространство занимает лишь один человек, на нем одном сосредоточено его пристальное внимание – это М. Горький: «Отменная скука и бюрократизм, который не оживить никаким барабаном. Доклад Горького для тех, кто читал его в газетах в обрамлении всяческих энтузиастических комментариев, может быть, и представляет интерес, но для нас, слышавших его здесь, это было очень тяжелое зрелище: в выступлении как раз не чувствовалось ни грамма энтузиазма. Начальник департамента прочел без всякого внутреннего подъема приказ своего высшего начальства» [Между молотом..., 2011, с. 350]. Кто-то из писателей обратил внимание на недостатки в организации мероприятия, кто-то возмущался, что был не приглашен в президиум, Романов же смотрел только на Горького, считая его виновником своих бед: его начинают меньше печатать, публичные выступления превращаются в основной заработок.

Список литературы

- Войтоловский Л.* Пантелеймон Романов. Русь // Красная новь. 1924. № 6 (окт.).
Горький и советская печать. Архив А. М. Горького. М.: Наука, 1965. Т. 10, кн. 2; 1966. Т. 21.

¹⁸ ИМЛИ. Ф. 24. Оп. 2. Ед. хр. 186. Л. 33.

Горький и советские писатели. Неизданная переписка / Ред. И. С. Зильберштейн, Е. Б. Тагер. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 736 с. (Литературное наследство; Т. 70)

Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2002. Т. 9.

Зорич А. Прибой. Альманах изд-ва «Прибой» // Правда. 1925. № 231 (9 окт.).

Коган П. Письма из-за границы. Встречи и впечатления, у Горького // Вечерняя Москва. 1927. 1 июня.

Лежнев А. Пантелеймон Романов. Русь // Правда. 1926. № 177 (4 авг.).

Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. 3. 766 с.

Луначарский А. Мещанская добродетель // Красная газета. 1926. № 143 (22 июля).

Между молотом и наковальной. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М.: РОСПЭН, 2011. Т. 1: 1925 – июнь 1941 г.

Публицистика М. Горького в контексте истории: Сб. ст. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 640 с.

Фатов Н. Моя статья о Пантелеймоне Романове и мои критики // Утро. Литературный сборник 1. М.; Л., 1927.

Цветаева А. Неисчерпаемое. М.: Отечество, 1992. 320 с.

Петроченков В. Творческая судьба Пантелеймона Романова. Tenafly, NJ: Эрмитаж, 1988. 208 с.

Пильский П. Страна растаял. О Пантелеймоне Романове // Сегодня. 1926. № 274 (4 дек.).

Список архивов

Институт мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ). Ф. 24. Оп. 2. Ед. хр. 186.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 455.

References

Fatov N. Moya stat'ya o Panteleymone Romanove i moi kritiki [My article about Panteleimon Romanov and my critics]. In: Utro. Literaturnyy sbornik 1. Moscow, Leningrad, 1927. (in Russ.)

Gorky i sovetskaya pechat'. Arkhiv A. M. Gorkogo [Gorky and the Soviet Press. Archive of A. M. Gorky]. Moscow, Nauka, 1965, vol. 10; 1966, vol. 21. (in Russ.)

Gorky i sovetskie pisateli. Neizdannaya perepiska [Gorky and Soviet writers. Unreleased correspondence]. Eds. I. S. Zilberstein, E. B. Tager. Moscow, AS USSR Publ., 1963, 736 p. (Literaturnoe nasledstvo; Vol. 70) (in Russ.)

Gorky M. The complete works. Letters. In 24 vols. Moscow, Nauka, 2002, vol. 9. (in Russ.)

Kogan P. Pis'ma iz-za granitsy. Vstrechi i vpechatleniya, u Gor'kogo [Letters from abroad. Meetings and impressions, at Gorky's]. *Vechernyaya Moskva* [Evening Moscow], 1927. June 1. (in Russ.)

Сюжет в литературе и фольклоре

Letopis' zhizni i tvorchestva A. M. Gorkogo [Chronicle of the life and work of A. M. Gorky]. Moscow, AS USSR Publ., 1959, iss. 3, 766 p. (in Russ.)

Lezhnev A. Panteleymon Romanov. Rus'. *Pravda*, 1926, no. 177 (August 4). (in Russ.)

Lunacharsky A. Meshchanskaya dobrodetel' [Petty-bourgeois virtue]. *Krasnaya gazeta* [Red Newspaper], 1926, no. 143 (July 22). (in Russ.)

Mezhdru molotom i nakoval'ney. Soyuz sovetskikh pisateley SSSR. Dokumenty i kommentarii [Between the hammer and the anvil. Union of Soviet Writers of the USSR. Documents and comments]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSPEN) Publ., 2011, vol. 1: 1925 – June 1941.

Petrochenkov V. Tvorcheskaya sud'ba Panteleymona Romanova [Creative destiny of Panteleimon Romanov]. Tenafly, NJ, Ermitazh Publ., 1988, 208 p. (in Russ.)

Pilsky P. Strana rastyap. O Panteleymone Romanove [Country of blunderers. About Panteleimon Romanov]. *Segodnya* [Today], 1926, no. 274 (December 4).

Publitsistika M. Gor'kogo v kontekste istorii [M. Gorky's journalism in the context of history]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007, 640 p. (in Russ.)

Tsvetaeva A. Neischerpaemoe [Inexhaustible]. Moscow, Otechestvo Publ., 1992, 320 p. (in Russ.)

Voytolovsky L. Panteleymon Romanov. Rus'. *Krasnaya nov'* [Red nov], 1924, no. 6 (October). (in Russ.)

Zorich A. Priboy [Surf]. Al'manakh izd-va "Priboy" [The almanac of the publishing house "Surf"]. *Pravda*, 1925, no. 231 (October 9). (in Russ.)

List of Archives

A. M. Gorky Institute of World Literature. F. 24. Inv. 2. St. in. 186.

Russian State Archive of Literature and Art. F. 155. Inv. 1. St. in. 455.

Информация об авторе

Людмила Юрьевна Суровова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Lyudmila Yu. Surovova, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 18.02.2022;

одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 12.04.2022

The article was submitted 18.02.2022;

approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication 12.04.2022

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2022. № 1

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2022, no. 1